

— Местное блюдо Шэньчжэня. Курицу едят с соусом.

Чжун Жуйчжи кивнул, взял суп и начал осторожно пить.

— Вкусно?

— Да, сладковатый и насыщенный, — ответил Чжун Жуйчжи.

— Когда уезжаешь? — спросил Цан Ицзин.

Чжун Жуйчжи ответил:

— Посмотрим...

Лето ещё долгое, у него много вариантов.

— Поиграй подольше, я покажу тебе окрестности. В Гуанчжоу много нового, много вкусного, — сказал Цан Ицзин.

— А Шэньчжэнь? — спросил Чжун Жуйчжи.

Они действительно разговаривали, как давно не видевшиеся друзья, спокойным тоном, обсуждая обычные вещи.

Цан Ицзин поставил креветочные пельмени на пару:

— Строительных площадок много. Если хочешь, можем съездить в Шэньчжэньский залив, там есть мангровые заросли. Вообще, это место можно было бы обустроить как парк для туристов, чтобы показать красоту Шэньчжэня. Но пока основная инфраструктура ещё в стадии планирования и строительства, и денег не хватает.

Чжун Жуйчжи откусил кусочек курицы. Мясо было нежным, кожа упругой.

— Как ты научился готовить гуандунские блюда? — спросил он.

Цан Ицзин ответил:

— Думал о том, чтобы приготовить для тебя, и немного научился.

— Зачем так говорить... — У него же есть невеста. — Готовь своей жене.

Цан Ицзин уловил нотку ревности, посмотрел на Чжун Жуйчжи и улыбнулся.

Он протянул руку и указательным пальцем лёгко коснулся уголка губ Чжун Жуйчжи. Тот замер, позволив ему это сделать.

Только после того, как большой палец Цан Ицзина провёл ещё раз, Чжун Жуйчжи отступил на шаг.

Он опустил голову, его состояние, его уклончивый взгляд — всё говорило о том, что он не забыл их прошлое.

— Соус, — сказал Цан Ицзин. — Попал на губы.

Когда-то Цан Ицзин тоже так делал, говоря, что на губах вишнёвый сок, хотя на самом деле просто хотел его поцеловать.

— В феврале я ездил в Гонконг, — Цан Ицзин продолжил резать овощи.

Чжун Жуйчжи продолжал пить суп.

Гонконг...

Гонконгская любовь, Дэн Лицзюнь.

— Луна отражает моё сердце... — невольно произнёс Чжун Жуйчжи.

Цан Ицзин засмеялся:

— Да, в Централке, из моего отеля был виден залив Виктория. После переезда в Гуандун я часто слышал, как люди говорят, что мы отстаём от развитых стран и Гонконга на сто лет.

Он продолжил:

— Только стоя в заливе Виктория, я действительно почувствовал это.

Чжун Жуйчжи смотрел на него.

Цан Ицзин продолжал:

— Как ты думаешь, сколько денег нужно, чтобы построить такой большой порт и столько высотных зданий?

Не знаю...

Но моих трёхсот ящиков с золотыми слитками точно не хватит.

— Разрыв в сто лет, действительно ли потребуются сто лет, чтобы его преодолеть? — продолжал Цан Ицзин. — Когда я только приехал в Гуанчжоу, мне казалось, что компания Цзя Гэ огромна, контейнеров на грузовых судах было не сосчитать. Но прошло меньше двух лет, и всё это... скоро будет моим.

Чжун Жуйчжи, слушая это, вдруг вспомнил западные легенды о драконах.

Говорят, драконы любят собирать сокровища, даже если эти вещи им не нужны и не пригодятся. Они любят захватывать их и прятать в своих логовах.

Чтобы заявить о своём праве, продемонстрировать силу.

— Я такой, и Шэньчжэнь будет таким, нет, он станет ещё могущественнее. Стоя в заливе Шэньчжэня, я словно вижу мост через море, бесчисленные небоскрёбы и множество кораблей, — сказал Цан Ицзин. — Залив Виктория имеет свою историю и открытость, он великолепен, сияет золотом. Но Шэньчжэнь — это уникальный Шэньчжэнь, всё здесь новое, не восстановленное, не унаследованное, а созданное с нуля.

— Это чистое место, оно привлечёт свежую кровь со всей страны, которая вольётся сюда, чтобы вместе его строить. Всё, что есть в заливе Виктория, будет и у нас, и не через сто лет, даже... не через двадцать, — сказал Цан Ицзин. — Как я выращивал урожай дома: группа молодых людей, проливая пот и кровь, возвращает огромные плоды. В будущем, когда заговорят о Востоке, о Китае, первым делом вспомнят Шэньчжэнь.

Он обернулся и улыбнулся Чжун Жуйчжи:

— Хочешь посмотреть? Строительную площадку порта.

Чжун Жуйчжи не разделял его мечтаний, он ещё не понимал этого, но, услышав такие слова, тоже захотел посмотреть, и кивнул.

Цан Ицзин рассмеялся:

— Кстати, я привёз тебе подарок из Гонконга.

— Мне?

Цан Ицзин кивнул:

— Изначально планировал, что если ты не приедешь, то сам к тебе заеду.

— Что за подарок?

На руках Цан Ицзина были следы от маринада, он пошевелил пальцами, показывая, что не может взять:

— У меня в кармане брюк, возьми сам.

Он слегка приподнял руки, повернулся и ждал, пока Чжун Жуйчжи засунет руку в его карман.

Чжун Жуйчжи стоял, держа миску, его дыхание участилось.

Цан Ицзин с улыбкой смотрел на него:

— Давай, бери.

Он не просто говорил "бери", он явно намекал: "Давай, потрогай меня".

Если не взять сейчас, разве это не будет явным признаком того, что он что-то скрывает?

Чжун Жуйчжи не хотел, чтобы Цан Ицзин заметил его смущение:

— Что там, я... не уверен, что хочу.

— Специально для тебя купил, безделушка, — сказал Цан Ицзин, сохраняя позу и смотря на него с ожиданием. — Я целый день носил её в кармане, пока твой брат снаружи, быстрее забирай.

— Нет... купи своей жене, — он произнёс это, даже не посмотрев в глаза Цан Ицзину.

Цан Ицзин наклонился и прошептал ему на ухо:

— Милый, только ты называл меня мужем.

Лицо Чжун Жуйчжи мгновенно покраснело, казалось, даже голова начала дымиться.

— Быстрее, — подгонял Цан Ицзин. — Иначе, когда я вымою руки, сам засуну твою руку в карман, и тогда не знаю, что ты там нащупаешь.

Как он стал такой развязный? Чжун Жуйчжи, делая вид, что спокоен, бросил на него взгляд:

— У тебя что, там что-то может вырасти?

Цан Ицзин засмеялся:

— А что, по-твоему, может?

Чжун Жуйчжи засунул руку в его карман и вытащил маленький синий мешочек.

Мешочек сохранил тепло Цан Ицзина, внутри было что-то тяжёлое.

Он развязал шнурок, и брошь засияла.

Цан Ицзин сказал:

— На их логотипе написано «Eternal Love», это их рекламный трюк?

Чжун Жуйчжи держал брошь и кивнул.

— Значит, ты ещё давно мне признался в любви? — спросил Цан Ицзин.

— Что? — удивился Чжун Жуйчжи.

Цан Ицзин засмеялся:

— Коробка с белыми магнолиями, которую ты мне подарил. Твой дедушка сказал, что цветы вырастил ты, и коробку тоже сам выбрал.

Чжун Жуйчжи промолчал, но потрогал брошь. Бриллианты на ней сверкали даже при неярком свете в комнате.

<http://tl.rulate.ru/book/5573/197280>